

Фрик Татьяна Борисовна

ЭПИСТОЛЯРИЙ Н. М. КАРАМЗИНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗОВ АВТОРА И АДРЕСАТА

Статья посвящена комплексному анализу образов автора и адресата, воплощенных в частных письмах Н. М. Карамзина. В работе определены основные стратегии авторской самопрезентации, выявлены доминантные авторские образы, представлены принципы сотворения Н. М. Карамзиным образа адресата. Сделан вывод о том, что данные образы являются отражением поведенческого стандарта и целенаправленной гуманистической программы автора писем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 198-201. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THEORY OF SPEECH AS SUPPORT FOR THE INTEGRITY OF TEACHING AND TEXTUAL ANALYSIS OF COHERENT STATEMENT

Tayanovskaya Irina Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Belarusian State University
tayanov@tut.by

The article characterizes the foundations of the theory of speech for the performance of a teaching and textual analysis of coherent statements by school students in Belarus in the aspect of the implementation of the main features of the text with the allocation of integrity as a system category. An example of such an analysis is given; and its educational and developing value is noted.

Key words and phrases: teaching and textual analysis of statements; basic text categories; thematic unity; successiveness; consistency; wholeness of meaning; coherence; completeness.

УДК 82-65:821.161.1(091)

Филологические науки

Статья посвящена комплексному анализу образов автора и адресата, воплощенных в частных письмах Н. М. Карамзина. В работе определены основные стратегии авторской самопрезентации, выявлены доминантные авторские образы, представлены принципы сотворения Н. М. Карамзиным образа адресата. Сделан вывод о том, что данные образы являются отражением поведенческого стандарта и целенаправленной гуманистической программы автора писем.

Ключевые слова и фразы: Н. М. Карамзин, письма, образ автора, образ адресата, поведенческий текст

Фрик Татьяна Борисовна, к. филол. н., доцент
Томский политехнический университет
tfrik@tpu.ru

ЭПИСТОЛЯРИЙ Н. М. КАРАМЗИНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗОВ АВТОРА И АДРЕСАТА ©

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00179.

Не нуждается в доказательствах тот факт, что творчество и сама личность Н. М. Карамзина внесли особый вклад в развитие российской литературы и культуры. Очевидный всплеск исследовательского интереса к карамзинскому наследию является подтверждением того, что его творческая личность «продолжает быть живым явлением отечественной культуры, которое не получило еще полного и достойного осмысления» [10, с. 9].

Именно усилиями Карамзина, по мнению исследователей, писатель и человек стал фактом общественно-го сознания [1, с. 744]. Этим объясняется и идеологическое мифотворчество о писателе, и обращение к его личности, а также актуальность его творчества в особые периоды для истории и культуры современной России [2]. Отличительной особенностью Н. М. Карамзина как писателя является его удивительная созвучность новой культуре, а также то, что осмысление им политики, истории, государственности всегда происходило по отношению к собственной личности, духовным интересам, духовной биографии [Там же, с. 799]. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что Карамзин как человек сам являлся уроком для современного ему поколения, а также для поколений последующих.

В исследованиях последних лет сформулировано представление о писательском эпистолярии как о разновидности дискурса, отличающегося высокой степенью самораскрытия личности и исключительным влиянием на общество. Письма писателей рубежа XVIII – начала XIX в., являясь специфическим видом художественного творчества, воплощением творческой индивидуальности, играют важную роль в формировании литературной и культурной парадигмы эпохи, что позволяет их рассматривать как особый философский, историософско-антропологический нарратив человека во времени и времени в человеке [9, с. 4]. Отличительной чертой данных текстов является способность отражать «порой несанкционированный их авторами самопроизвольно спонтанный поведенческий стандарт, диагностируемый с помощью эпистолярного дискурса» [Там же, с. 28]. Вполне закономерно обращение в этом контексте к анализу частных писем Н. М. Карамзина.

Исследование эпистолярного наследия писателя – закономерный и необходимый этап в осмыслении его творческой личности. Карамзинский жизнестроительный опыт, бесспорно, уникален для русской истории и культуры [2, с. 803; 7; 8], тем актуальнее с этой точки зрения становится комплексный анализ его писем как поведенческого текста, рассмотрение образов автора и адресата как его базовых категорий.

Для Карамзина характерно особое эпистолярное поведение, в основе которого лежат специфические стратегии авторской самопрезентации. Отмеченная Р. М. Лазарчук зависимость поведения и внутренней

жизни писателя от литературы [6, с. 137] определяет то, что в письмах к литераторам, родным, членам монаршего дома им создается образ автора, для которого свойственны роли, с большей или меньшей степенью воплощающие различные уровни саморефлексии.

Важнейшими элементами образа автора писем являются самохарактеристики, которые становятся способом самопрезентации, что находит, например, отражение в следующих высказываниях: «Люблю быть свободным» [3, с. 140]; «Душе моей противна мысль быть беглецом: для этого не выеду из Москвы, пока все не решится» [Там же, с. 188]; «мое правило не злиться» [Там же, с. 380] и мн. др.

Также характерной идиостилистической чертой анализируемых эпистолярных текстов, отличительным элементом их поэтики является использование Карамзиным отрицательных синтаксических конструкций при постулировании собственных поведенческих доминант, характеристике действий, поступков: «не хочу ни чинов, ни денег от Государя» [Там же, с. 184]; «Не мешаю другим мыслить иначе» [Там же, с. 328]; «Я не изменил скромности: не сказал никому ни слова о моем разговоре с Александром» [Там же, с. 13]; «Я не безмолвствовал о налогах в мирное время» [Там же, с. 14]; «я не хитрец придворный» [Там же, с. 142] и т.п.

Анализ частной переписки Н. М. Карамзина позволяет выделить следующие доминантные авторские образы: чувствительный философ («Двор мил как ангел, но мы философы: так ли?» (*здесь и далее курсив автора – Т. Ф.*) [Там же, с. 308]); меланхолик («Будучи меланхоликом, хмурю брови на дерзкую глупость, на бесстыдное шарлатанство, на подлое лицемерие, в то же самое время смиряясь душою перед Богом» [Там же, с. 205]); историограф («старейший Историограф обязан думать о потомстве» [Там же, с. 29]); сельский житель («Мы, сельские люди, гуляющие здесь с галками и воронами по желтым коврам осени, с нетерпением ждем от вас хотя строки» [Там же, с. 331]); человек, далекий от света, простосердечный муж, варвар, гурон – образы, позволяющие Карамзину подчеркнуть все свое несоответствие принятым в светском обществе законам («Плюскова ошиблась и я не придворный <...> Я все еще такой же варвар [Там же, с. 137-138]; «муж твой гурон: не поехал к графу Аракчееву, не воспользовался даже и благорасположением Пуколова!» [Там же, с. 140]).

Тот или иной авторский образ, проявляющийся в общении с конкретным адресатом, реализуется в ряде вербализуемых Карамзиным поведенческих максим, определяемых выбранной автором ролью. Эти роли (как, например, в случае с образами меланхолика и чувствительного философа), несмотря на то, что часто определены литературной традицией, сентиментальной эстетикой, принятым поведенческим трафаретом и поэтому легко узнаваемы карамзинскими адресатами [6], становятся проявлением глубокой философии жизни и одновременно руководством к действию для читающего: «Кто сочиняет, тому натурально заботиться об усовершенствовании сочиняемого» [3, с. 363]; «но лучше иметь право, нежели зависеть от воли людей» [Там же, с. 283] и т.п.

Одним из наиболее ярких авторских образов карамзинского эпистолярия, безусловно, является образ историографа. Он многогранен, о чем позволяет судить само разнообразие даваемых ему определений: *государственный, стареющий, рассеянный, ветхий, больной, чистосердечный, усердный*. В каждом из случаев использование того или иного определения является для Н. М. Карамзина знаковым, поскольку маркирует всю поведенческую стратегию автора в эпистолярном общении с определенным адресатом.

Так, например, в переписке периода наиболее активной работы над «Историей Государства Российского» номинация «государственный историограф» становится символом, воплощением гражданской позиции писателя и историка: «*Держаю говорить искренно пред Вашим Императорским величеством: это дано мне природою и утверждено десятилетней привычкой Историографа*» [Там же, с. 31]; «*Государственный Историограф* имеет, кажется, право на такое же милостивое отличие. *Он должен разуметь, что и как писать; собственная его ответственность не уступает цензорской*» [Там же, с. 23]. Достаточно часто Карамзиным используется номинация «чистосердечный историограф», он становится символом искренности автора письма, правдивости его слов.

Сложное отношение Н. М. Карамзина к своему придворному статусу, постоянное стремление отграничиться от него воплотилось и в отстраненности, часто в противопоставлении Николая Михайловича Карамзина Карамзину-историографу. Это разграничение образных планов не остается незамеченным и карамзинскими адресатами. Показательны в этом смысле записка Александра I: «Чин в знак моей признательности *Историографу*. А *Николаю Михайловичу* извещение, что в Царском Селе сухо и чисто в саду, а в Китайском его жилье тепло и прибрано» [Там же, с. 19], а также следующие фрагменты писем к Карамзину Императрицы Марии Федоровны: «малое действует на важное, и Розовый павильон, в котором я праздновала возвращение Императора с победителями, возымеет, может быть, приятное влияние на *Историографа* их славных подвигов» [Там же, с. 36-37]; «Не вам, а нам должно сожалеть, что *Историограф* наш не был тому свидетелем» [Там же, с. 40]. Таким образом, царственные адресаты подхватывают предложенный Карамзиным ролевой стандарт, вслед за ним в их письмах закрепляется использование третьего лица, включение данной номинации при необходимости подчеркнуть значимость того или иного события для истории государства.

Сентиментальным, меланхоличным, преданным, стареющим и больным предстает историограф в письмах к Елизавете Алексеевне, и это определяет тональность всей переписки Н. М. Карамзина с императрицей, делает эпистолярное общение доверительным, чувствительным, поэтичным, возвышенным, при этом сама образная игра не скрывается от адресата: «теперь же молно о великодушном прощении *неосторожного, рассеянного, ветхого Историографа* (это прибавлю, чтобы Вас разжалобить)» [Там же, с. 81].

Сложным по смысловой нагрузке является образ *старейшего историографа*: с ним связан комплекс элегических мотивов писем, в нем отражено представление об исторической миссии, которую выполняет историограф, мере его ответственности («Пусть другие пишут для любопытных современников: *старейший Историограф обязан думать о потомстве*» [Там же, с. 29]). Он – воплощенный образ наставника, ментора, просветителя, поведенческий стандарт, которого, безусловно, во многом определен идеями, культивировавшимися

еще в 1780-е годы в кружке Новикова: «нравственное воспитание, –образование сердца», затем – просвещение разума, приобщение к достижениям цивилизации и миру искусства» [4, с. 71]. Гуманистические идеи содействия благу всего человечества, патриотизма, всемирной отзывчивости, воспринятые Карамзиным в период его близкого общения с масонами [Там же, с. 80], нашли отражение и в его в письмах разных этапов жизни, легли в основу модели поведения историографа (ср., например, фрагмент письма от 17 августа 1793 г.: «Назови меня Дон-Кихотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как я люблю – человечество!» [3, с. 369] и фрагмент письма от 22 октября 1825 г. «Я независим и наслаждаюсь только своим трудом, любовью к отечеству и человечеству» [Там же, с. 401]).

Карамзинский эпистолярный стал документом саморазвития и самовоспитания его автора и одновременно тем инструментом, который позволял воплотить в жизнь идею нравственного и духовного усовершенствования адресатов, их гражданского, патриотического воспитания. В этом смысле весьма показательны фрагменты из писем Карамзина к А. И. Тургеневу: «Будем в среду немного получше того, как мы были во вторник, и довольно для нас, ленивых» [Там же, с. 427]; «Все чужое есть для нас только зрелище: *смотри, а дела не забывай!* Вы еще в долгу у России <...> не тут, так в другом месте найдется для вас деятельность полезная. Чем менее другие требуют ее от нас, тем более мы должны требовать ее от себя, как существа нравственные» [Там же, с. 435-436]; «Мы, старики, можем иногда позволить себе и лицензию благонамеренную, но вы, молодые люди, держитесь устава <...> Однако ж прошу не злоупотреблять того во зло; *есть граница и для скромности: говорите не все, но говорите*» [Там же, с. 329-330]; и отчаянный призыв в письме к тому же адресату после декабрьских событий: «Умрем, однакож, за святую Русь!» [Там же, с. 437].

Особый воспитательный потенциал имеют включенные в письма Н. М. Карамзина оценки тех или иных личностей, отражающие ценностные доминанты автора писем: «у него благородная, патриотическая душа» [Там же, с. 384] (о графе Раstopчине); «Талант действительно прекрасный: жаль, что нет устройства и мира в душе, а в голове ни малейшего благоразумия» [Там же, с. 394] (об А. С. Пушкине); «Добрый, умный граф Каподистриа без сомнения доказал вам, сколь он умеет чувствовать достоинства и заслуги!» [Там же, с. 447]. Важно, что карамзинская оценка касается, прежде всего, нравственной, духовной стороны личности, ставшей предметом описания.

В некоторых случаях набор оценок и характеристик одного и того же человека складывается в цельный образ, портрет, воплощающий определенный поведенческий эталон монарха, писателя, министра и др. Так, непростые по своей сути отношения с монаршей семьей, сопровождающие Карамзина на протяжении большей части его жизни, в письмах к разным адресатам выливаются в целую философию власти, укорененную, несомненно, в карамзинской историософии, его личностных убеждениях. В одном из своих писем к императрице Марии Федоровне Карамзин напишет: «Должно найти середину между двумя крайностями: не умничать с излишней прагматической гордостью и не быть проповедником: ибо история обязана сохранять свой человеческий характер» [Там же, с. 30]. Поэтому так важно для Карамзина подчеркнуть это *человеческое* в образе царя: «Видим Царя и Цариц: первый третьего дни пил у нас чай и просидел часа два. Говорено было с живостью о всякой всячине. *Нельзя быть любезнее в таком сане*» [Там же, с. 334]; «*Он снисходителен, добродушен*» [Там же, с. 388]; «Не нужно говорить о его *хладнокровии*: Он видел и не такие опасности» [Там же, с. 392]; «В душе его было что-то *ангельское*. <...> Кто умел так *прощать* и не *мстить* за личные оскорбления?» [Там же, с. 352].

В основе монарших образов представление о приоритете нравственных ценностей, душевной красоте, которое в письмах воплощается в чувствительных психологических портретах. При этом часто Карамзин пользуется художественными средствами выражения, как это, например, происходит при описании в письмах к родным, друзьям моментов общения с императрицей Елизаветой Алексеевной. Императрица предстает в образе добродетельного ангела, не случайно даже описание ее внешности включает ангельские мотивы: «Надобно было видеть эту интересную женщину в одном *прекрасном белом платье*, среди большой, слабо освещенной комнаты: (в ней было *что-то магическое и воздушное*)» [Там же, с. 145]. Образ царицы создается в соответствии с канонами сентиментальной литературы [5]: она предстает в облике чувствительной героини в белом платье и ее внешне милый облик подчеркивает красоту духовную.

В письмах, обращенных к императрице Марии Федоровне, создается чувствительный, добродетельный и одновременно величественный образ матери монарха: «Мария – имя Ее не имеет нужды в прилагательном – Мария, окруженная блеском двора, *величественная*: в домах воспитания и благотворения сильно трогает душу *прелестию добродетели*, а в сельском домике любезна сердцу своим вкусом в *милой простоте единственной*, всегда неразлучима с *истинною чувственностью* и *умом плодотворным*» [3, с. 37]. Этот фрагмент особенно показателен, поскольку демонстрирует, как творческая личность Карамзина проявляется в сотворении идеального образа адресата. В своих письмах он представляет адресата таким, каким тот, по его мнению, должен быть, создавая тем самым особую проекцию поведения, образа мыслей, жизненных установок участников эпистолярного диалога. Можно сказать, что образы, воплощенные в эпистолярных текстах, становятся элементом его «политической педагогики» [12, с. 117].

В процессе переписки Карамзин проецирует собственные поведенческие и нравственные стандарты на своего адресата. В качестве примера можно привести фрагменты его писем 1811 г. к И. И. Дмитриеву, бытовым поводом для которых послужила просьба Карамзина к другу-министру помочь князю П. А. Вяземскому в земельной тяжбе: «Ты *Министр Правосудия* и друг мой. Я не просил бы тебя с такой ревностью, если бы дело было мое собственное [11, с. 246]»; «Но ты *Министр Юстиции*: можешь ли равнодушно видеть такие *наглые беззакония*?» [Там же, с. 247]; «Что касается до моих эпитетов, то *они были не пишущие, а исторические*. Ты знаешь, кажется, что я не очень зол в отношении к своим личным неприятелям; но *общественные злодейства*, которые можно назвать *язвою Государственную*, трогают меня

до глубины души. Пишу к тебе не на гербовой бумаге: следственно могу сказать иное и слишком сильно; но не стыжусь своего чувства. Ты *Министр*, а я смею назвать тебя *патриотом*: пользы наши сходятся, так как и наши сердца в дружбе» [Там же]. Здесь знаковым элементом является и замена номинации «Министра Юстиции» на «Министра Правосудия», и апелляция к необходимости высшей справедливости, и акцент на личной незаинтересованности, и указание на важность данного дела для сохранения самих основ государственности, на патриотические чувства, на единство мыслей и чувствований обоих адресатов. Симптоматично также рассуждение Карамзина о стилистике собственных писем. Письма Дмитриева не сохранились, но очевидно, что в одном из них он делает замечание по поводу риторического оформления просьбы в письме Карамзина и как литератор безошибочно определяет ее творческую составляющую. В ответе же Карамзина отразилось его представление о взаимосвязи литературного, исторического и частного. Данный пример – не единственный. Подобную эпистолярную манеру Карамзин реализует по отношению к большинству своих адресатов.

Сохранилось мало ответных писем адресатов Карамзина, однако те, которые нам доступны, позволяют сделать вывод о реализации сотворчества автора и читателя в процессе переписки, об определенной читательской интеракции, воплощении в их личном, профессиональном поведении установок, предложенных Карамзиным, принятии ими карамзинской аксиоматики, которая выкристаллизовывается в следующих высказываниях: «Мой долг быть на месте: всякое удаление почту себе в вину. Вам не трудно себе представить грусть мою. – Воля Божия; нам остается преклонить главу пред Нею» [3, с. 20] (Александр I о наводнении в Санкт-Петербурге); «признаю Вашу правоту: нужно трудиться, чтобы заслужить награду, и желание сделать менее долговременной службу – значит проявить лень» [Там же, с. 76] (письмо Елизаветы Алексеевны) и др.

Таким образом, письма Н. М. Карамзина представляют собой не только документ частной жизни, но и являются текстами, отражающими творческую индивидуальность писателя, в них воплощена внутренне свободная личность историка, художника, общественного деятеля. С одной стороны, эпистолярный Н. М. Карамзин концентрирует в себе личностную философию, представляет собой площадку для выстраивания, возвращения личности его автора: переписка писателя с различными адресатами – это своего рода акт сознательного жизнетворения, документ развития его личности, сыгравшей важную роль в развитии отечественной культуры и литературы, инструмент ее самораскрытия. С другой стороны, личная жизнь Карамзина, отраженная в эпистолярных текстах, становится примером для других, представляет собой способ воздействия на читателя письма, внедрения в сознание культурного сообщества целого спектра гуманистических идеалов. В этом случае в эпистолярной писателе происходит генерирование идеального поведенческого текста адресата в проекции Карамзина-автора письма. Образы же автора и адресатов, воплощенные в рассмотренном эпистолярном, стали отражением целенаправленной воспитательной программы их автора, которая была воспринята и развита и его приемниками [12].

Список литературы

1. Вацуро В. Э. Карамзин возвращается // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 726-745.
2. Зорин А. Л., Немзер А. С., Проскурин О. А. Человек, который пережил конец света // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 795-803.
3. Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: в 18-ти т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. Т. 18: Письма. 624 с.
4. Кочеткова Н. Д. «Всемирная отзывчивость» и патриотизм участников новиковского кружка // Карамзинский сборник. Национальные традиции и европеизм в русской культуре. Ульяновск: Изд-во УлГПУ, 1999. С. 69-80.
5. Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма // XVIII в. СПб.: Наука, 1996. Сборник 15. С. 70-96.
6. Лазарчук Р. М. Переписка Н. М. Карамзина с А. А. Петровым (К проблеме реконструкции романа в письмах) // XVIII в. СПб.: Наука, 1996. сборник 20. С. 135-143.
7. Лихачев Д. С. Вступительное слово на торжественном вечере, посвященном 225-летию юбилею со дня рождения Н. М. Карамзина // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 746-748.
8. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 254 с.
9. Сапожникова Н. В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса: автореф. дисс. ... д. философ. н. Екатеринбург, 2004. 46 с.
10. Сапченко Л. А. Карамзин в движении времени // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 7-24.
11. Сукайло В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева: в 2-х кн. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. Кн. 1. Хроника. 960 с.
12. Янушкевич А. С. Эпистолярный В. А. Жуковского как отражение и выражение литературного быта его времени // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2 (18). 106-119.

EPISTOLARY OF N. M. KARAMZIN THROUGH THE LENSES OF IMAGES OF AUTHOR AND ADDRESSEE

Frik Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
tfrik@tpu.ru

The article is devoted to the complex analysis of the images of the author and the addressee represented in the private letters of N. M. Karamzin. The paper identifies the basic strategies for the author's self-presentation, reveals the dominant author's images, and presents the principles of creating the image of the addressee by N. M. Karamzin. The researcher concludes that these images are the representation of behavioral standard and the purpose-oriented humanistic programme of the author.

Key words and phrases: N. M. Karamzin; letters; image of author; image of addressee; behavioral text.